

То, что Дзин Куросава в ярости, было очевидно без лишних слов.

Дома он тоже частенько хмурился, раздражаясь по пустякам, но сейчас всё было иначе: А-Эр буквально физически ощущал, как закипает внутри брата ледяной гнев.

Главным доказательством служило его молчание. Вместо привычной головомойки и ругани за самовольную отлучку, Дзин не проронил ни слова. С застывшим, бледным лицом он упрямо шагал вперёд, почти волоча А-Эра за собой.

Пальцы Дзина сжимались на запястье мертвой хваткой, едва не ломая тонкие кости. Он мчался напролом, не разбирая дороги; А-Эр не поспевал за ним, то и дело спотыкался и едва не падал, но брат рывком вздергивал его, заставляя бежать дальше.

Всё это говорило об одном: брат на пределе. Не будь А-Эр связан с ним узами крови, не будь он его системным заданием и ребёнком, которого Дзин вырастил своими руками, тот, верно, прикончил бы его на месте ради минутного облегчения. И смерть эта точно не была бы лёгкой или милосердной.

Сам А-Эр не страшился ни изысканных пыток, ни собственной гибели. Но мысль о том, что брат станет его презирать, колола сердце.

И к этому примешивалась глухая, тягучая вина.

Обычно щепетильный в вопросах внешности, безупречно опрятный брат сейчас выглядел жутко: одежда пропиталась кровью, длинные серебристые волосы, за которыми он так тщательно ухаживал, потускнели и свалялись, а под глазами залегли глубокие, болезненные тени.

Должно быть, обнаружив исчезновение непутёвого младшего, он рванул на поиски без малейшей передышки. Трое суток без сна, бешеная гонка по следу, а по прибытии — необходимость лично вырезать банду свирепых похитителей, прежде чем забрать беглеца.

Тяжёлая доля, ничего не скажешь.

Не будь А-Эра, Дзин сейчас наверняка сидел бы в тёплой гостиной, слушая классику и листая очередную книгу.

Появись у него шанс отмотать время назад... Что ж, А-Эр всё равно бы ускользнул наружу. Разве что постарался бы разминуться с наглыми похитителями, вставившими палки в колеса его великому исследованию нового мира.

Раскаялся, но непременно повторю.

Дзин дотащил его до припаркованного у дороги чёрного «Порше». Рядом, прислонившись к дверце, курил Сиро Куросава. Сизый дым окутывал его лицо, размывая черты. Заметив приближение сыновей, отец неторопливо затушил сигарету и окинул А-Эра оценивающим взглядом. Стоило ему заметить следы побоев на детском теле, как взгляд его потемнел. В этих глазах, обычно дышавших холодным, расчётливым безумием, на краткий миг поднялось сокрушительное цунами, но буря тут же улеглась, оставив после себя лишь мёртвую, зловещую пустоту.

— Сначала отвезу вас домой, — глухо произнёс он. — А с остальным разберусь позже.

Дзин ничего не ответил. Он затолкнул А-Эра на заднее сиденье и сел рядом. Отец устроился за рулём.

А-Эр невольно хмыкнул про себя: яблоко от яблони. Отец и старший брат казались отлитыми в одной форме. Сам А-Эр, хоть и унаследовал ту же фамильную белизну волос, отличался от них — его пряди сияли чистейшим, почти фарфоровым светом, без примеси той пепельной стали, что серебрилась у родственников. Черты лица тоже разнились. Не знай посторонний о деталях, ни за что не признал бы в них родную кровь.

Между отцом и старшим сыном существовала странная, почти телепатическая связь: им не нужны были слова, чтобы понимать друг друга с полувзгляда. И та короткая реплика Сиро предназначалась, скорее, лично А-Эру.

Участь похитителей и их паршивой Организации А-Эра волновала мало. Гораздо сильнее его занимал другой вопрос: Дзин ведь тоже пострадал. Крови на нём было вдвое больше, но отец смотрел только на младшего, и Дзина это совершенно не задевало.

Какие всё-таки отношения связывали этих двоих? Или они просто сошлись во мнении, что А-Эр — законченный слабак, способный замертво рухнуть от любого сквозняка, а потому требующий удвоенной опеки?

Склоняясь ко второму варианту, А-Эр мысленно уже приготовился вылить ушат сарказма на несчастную Систему.

Однако, глядя на забрызганного кровью брата, он всё же не удержался: протянул руку и бережно стёр багровое пятно с его щеки.

— Ты ранен? — тихо спросил он.

— Не сильнее твоего, — процедил Дзин, холодно усмехнувшись. — Если бы я опоздал, ты так и планировал умереть там, на полу?

— Прости, — виновато буркнул А-Эр.

Дзин лишь презрительно фыркнул и закрыл глаза, отгораживаясь от мира. Ранения его были глубокими; несмотря на наскоро наложенные повязки, тело требовало отдыха. В конце концов, будучи ещё совсем юным, он в одиночку вырезал шайку головорезов, прошедших огонь и воду. И пускай похитители за несколько дней изодранных издёвок А-Эра растеряли остатки разума и пребывали в полубезумном состоянии, звериный инстинкт выживания гнал их вперёд. Дзину пришлось приложить немало усилий, чтобы зачистить это гнездо.

Он наотрез отказался от помощи отца и вошёл в ангар один. Спасти А-Эра должен был только он. Дзин органически не выносил чужого вмешательства в ту болезненную, почти симбиотическую связь, что установилась между ним и младшим братом. И даже родной отец не имел права переступить эту черту.

Сиро прекрасно понимал мотивы этого извращённого собственничества. Помолчав, он всё же отступил, лишь дал сыну перед штурмом несколько практических советов по эффективной зачистке территории.

Разумеется, А-Эр об этих тонкостях не знал. Он видел лишь, как бледнеет лицо погрузившегося в глубокий сон брата. Помедлив, А-Эр осторожно приклонил голову к плечу Дзина. Тот не проснулся. Или сделал вид, что не заметил.

Скользнув взглядом по зеркалу заднего вида, А-Эр внезапно столкнулся с холодным, мертвенным взглядом Сиро. Отец молча наблюдал за ними сквозь отражение.

А-Эр вздрогнул и поспешно прикрыл веки. Под мерное, убаюкивающее шуршание шин усталость окончательно сморила его, и он провалился в сон.

Дорога выдалась изматывающей: им пришлось сменить три или четыре вида транспорта. Когда они наконец добрались до родного острова, А-Эр едва волочил ноги от усталости, мечтая лишь об одном — рухнуть на свою постель.

Ещё в дороге Сиро умудрился раздобыть врача. Осмотренный и наспех залатанный Дзин восстанавливался с поразительной скоростью — А-Эру оставалось лишь в очередной раз подивиться их колоссальной разнице в выносливости.

Особой родительской нежностью Сиро никогда не отличался. Удостоверившись, что сыновья не склеят лапы прямо в гостиной, он тут же отбыл — скорее всего, покончить с выжившими подельниками похитителей.

А-Эр искренне надеялся, что Чарльз успел убраться как можно дальше.

Ослеплённый бешенством Дзин думал лишь о том, как поскорее утащить брата, а потому не озаботился проверкой трупов. А-Эр видел, что Чарльз дышит, но прикусил язык. Если бедолаге повезло выскользнуть из объятий костлявой, зачем мешать? Может, удастся мысленно урвать у счастливчика крупницу его феноменального везения.

Несмотря на быструю поправку, Дзин тоже вымотался. Без лишних разговоров братья разошлись по комнатам и мгновенно уснули.

Проснувшись на следующее утро ни свет ни заря, А-Эр спустился на первый этаж и обнаружил Дзину за кухонными хлопотами.

Стоило А-Эру устроиться за столом, как перед ним появилась тарелка с румяными, горячими сэндвичами. Расправившись с завтраком, Дзин увёл его в сад — греться на солнце.

Тёплые лучи приятно ласкали кожу; разнежившийся А-Эр уже готов был уснуть прямо под сенью деревьев, когда тишину нарушил спокойный, ровный голос Дзина:

— Ты никогда раньше не переступал порог дома. Зачем ты сбежал в тот день?

Вчера брат ни единым словом не намекнул на допрос, и А-Эр наивно понадеялся, что пронесло. Как бы не так — Дзин просто дожидался, пока они оба выспятся.

А-Эр отвёл взгляд. Не рассказывать же ему про разблокировку новой игровой зоны. Дзин всё равно ничего не поймёт, решив, что у мелкого окончательно протёк чердак.

Пытаясь придумать оправдание, он чисто машинально уставился на белоснежную пичужку, опустившуюся на ветку поблизости.

Это был жест чистейшей растерянности.

Однако Дзин ещё до побега подмечал, с каким тоскливым вожделением А-Эр провожает взглядом стаи птиц.

Прежде безучастный ко всему, похожий на фарфоровую куклу младший брат вдруг начал проявлять любопытство. Потянулся к «жизни».

Захотел увидеть мир, вырваться из четырёх стен... ускользнуть из-под его всеобъемлющего контроля.

И к чему это привело? Стоило ослабить хватку на мгновение, как мальчишку похитили и вернули изломанным, покрытым синяками.

Жалкий глупец.

Слабак, готовый слечь с простудой от лёгкого сквозняка и свалиться в лихорадке от капли дождя. Беспомощная обуза, над которой Дзину приходилось сидеть ночами, сбивая жар.

Почему он не может просто подчиняться? Зачем нужно было сбегать?

При одном воспоминании о том, как он с боем прорывался на фабрику и обнаружил избитого, дышащего через раз А-Эра на засаленном диване, Дзина захлёстывала удушливая волна бешенства.

Ничего. Его можно вымуштровать. Заставить раз и навсегда уяснить, насколько беспощадна реальность за порогом их дома.

Будучи старшим братом, вырастившим этого ребёнка из пелёнок, Дзин знал: А-Эр послушен. И его прямая обязанность — дать ему правильное воспитание.

Внезапным, молниеносным движением Дзин поймал крошечную, мягкую пичужку и бесцеремонно вложил её в ладони брата.

Опешив от такого жеста, А-Эр тем не менее затаил дыхание и робко, едва дыша, погладил кончиками пальцев тёплые перья.

Птаха, только что испуганно верещавшая в стальных пальцах Дзина, в ладонях А-Эра мгновенно притихла и доверчиво уставилась на него блестящими глазками-бусинками.

Похоже, его врождённая аура, приковывающая всеобщее внимание, действовала даже на животных.

«Какой тёплый пушистый комочек!»

А-Эр едва сдерживал счастливую улыбку. Безумно хотелось затискать крохотное создание, но он вовремя приструнил порыв, боясь ненароком навредить пичуге. Ладно, потом отыграется на Системе — ту можно мучить без зазрений совести.

В игре присутствовала функция питомцев: привязав к себе существо, можно было использовать на нём различные бонусы.

Правда, из-за вынужденного затворничества в особняке и юного возраста персонажа А-Эр не спешил забивать единственный бесплатный слот. За расширение стойла требовали донат, так что ячейка пустовала в ожидании лучшего кандидата.

Ощущая ладонями живое тепло, А-Эр почувствовал искушение.

В конце концов, функция питомцев была скорее косметической. Почему бы не привязать к себе эту милую пичугу? Главное в играх — получать удовольствие от процесса.

Заметив, как смягчилось выражение лица А-Эра, Дзин бесшумно зашёл со спины и крепко обнял его за плечи.

— Нравится? — тихо спросил он у самого уха.

— М-м? Ну... да, нравится.

— Вот и славно.

А-Эр растерялся, чувствуя подвох, но Дзин не собирался ничего объяснять. Он бесцеремонно накрыл детские ладони своими и... резко сжал пальцы.

От ужаса у А-Эра перехватило дыхание.

— Брат!!! — отчаянно закричал он.

— Это твой сегодняшний урок, — раздался над ухом ровный, вкрадчивый голос Дзина, словно он читал лекцию прилежному ученику. — Вчера ты малодушно зажмурился, не желая смотреть на тех, кого я резал. Что ж, сегодня прочувствуй всё сам. Познай её... Смерть.

«Да он конченный псих!» — в панике забился разум А-Эра. Он лихорадочно взывал в интерфейс: «Система! Срочно покупаю Куклу-заместителя для питомца! Спиши любые очки! Быстро, прямо сейчас!»

Он отчаянно забился, пытаясь выкрутиться, но Дзин, будучи значительно старше, превосходил его в силе многократно. В этих удушающих объятиях, словно призванных намертво вжать А-Эра в тело старшего брата, у него не было ни единого шанса на спасение.

— Кагэ, — тихо позвал Дзин.

А-Эр на секунду оцепенел, прежде чем вспомнить: это имя его игрового аватара. Кагэ. Кагэ Куросава.

Имя, которое ему дал старший брат.

Поскольку Сиро окончательно отстранился от семейных дел, А-Эра с пелёнок растил Дзин. Разумеется, назвать его образцовым родителем не повернулся бы язык — он и сам оставался ребёнком. Дзин дал младшему имя исключительно для удобства. И выбрал самое невзрачное: «Тень».

Когда А-Эр впервые заговорил или попытался сделать первые шаги и упал, Дзин лишь холодно

и безучастно наблюдал со стороны.

К счастью, мальчик рос невероятно тихим — точь-в-точь как его имя. Он никогда не закатывал истерик и не докучал плачем, благодаря чему вспыльчивый Дзин не запер его в тёмной комнате.

Но при этом именно Дзин изо дня в день готовил ему еду. Именно он с тёмными кругами под глазами дежурил у постели больного А-Эра. Именно он в одиночку явился вызволять его из логова похитителей.

И именно он сейчас заставлял его пережить «смерть».

Едва в сознании прозвучал бесстрастный механический голос Системы, подтвердивший использование артефакта, пальцы Дзина сомкнулись поверх детских рук сокрушительным тиском. Раздался тихий, костяной хруст. Тёплая кровь брызнула сквозь пальцы, потекла по запястьям и закапала на зелёную траву, словно навек скрепляя их общую кровь и неделимую судьбу.

Удушливый, резкий запах меди ударил в нос. Тяжесть загубленной безвинной жизни показалась А-Эру невыносимым, удушающим бременем. Он судорожно, хрипло ловил ртом воздух, инстинктивно взывая к единственному человеку, на которого привык опираться всю жизнь:

— Брат...

Дзин, не разжимая стальных объятий, непривычно мягко выдохнул ему в затылок:

— Да. Всё правильно. Я горжусь тобой.

И пускай Кукла-заместитель спасла несчастную птицу от гибели, А-Эр физически ощутил тот страшный момент, когда жизнь покидает плоть. Это чувство навсегда въелось в его память.

Стекающая по рукам кровь казалась клеймом их общего, неделимого греха.

А ледяные объятия Дзина врезались в сознание так глубоко, что в будущем, стоило А-Эру почувствовать холод, ему всегда чудилось, будто кто-то невидимый до сих пор крепко держит его со спины.

И в этом морозном забытии чудился тихий, вкрадчивый шёпот:

— Тебе не сбежать.

<http://bllate.org/book/18335/1760533>